

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Сказка о Сейф-аль-Мулуке

Сказка о Сейф-аль-Мулуке, ночи 756-767

Сказка о Сейф-аль-Мулуке, ночи 768-778

Рассказывают также, о счастливый царь, – продолжала Шахразада, – что был в древние времена и минувшие века и годы царь из царей персов по имени Мухаммед ибн Сабаик, и властвовал он над землей Хорасанской. И каждый год совершал он набеги на страны нечестивых в Индии, Синде и Китае, и на страны, которые за рекой [608], и на другие страны, неарабские и прочие, и был он царем справедливым и доблестным, великодушным и щедрым.

И любил этот царь застольные беседы, и предания, и стихи, и рассказы, и повести, и ночные сказки, и жития древних, и всякого, кто помнил диковинную сказку и рассказывал ее царю, царь награждал. И говорят, что, когда приходил к нему иноземец с диковинным рассказом и говорил перед ним и царь находил рассказ хорошим и слова рассказчика ему нравились, он награждал его роскошной одеждой, и давал ему тысячу динаров, и сажал его на коня, оседланного и взнузданного, и одевал его сверху донизу, и одарял его великими подарками, и тот человек брал их и уходил своей дорогой.

И случилось, что пришел к нему старый человек с диковинным рассказом и рассказал его перед царем, и тот нашел рассказ прекрасным, и слова рассказчика понравились ему, и он велел дать ему роскошный подарок и, между прочим, тысячу хорасанских динаров и коня с полной сбруей. И после этого разнеслись такие вести об этом царе во всех странах, и услышал о нем человек, которого звали купец Хасан, а был он человек великодушный, щедрый, знающий, поэт и достойный.

А у этого царя был везирь – великий завистник, средоточие зла, который не любил никого из людей, ни богатого, ни бедного, и, всякий раз как к царю кто-нибудь приходил и царь давал ему что-нибудь, везирь ему завидовал и говорил: "Такие дела изведут деньги и разорят земли, а у царя в обычае это делать", – и были эти слова лишь от зависти и ненависти везиря. И услышал царь весть о купце Хасане и послал к нему и призвал его и, когда он явился, оказал ему: "О купец Хасан, везирь прекословит мне и враждует со мной из-за денег, которые я даю стихотворцам, сотрапезникам и людям, знающим рассказы и стихи. Я хочу, чтобы ты рассказал мне хороший рассказ и диковинную новость, подобной которой я никогда не слышал, и если твой рассказ мне понравится, я дам тебе много земель с их крепостями, и сделаю их добавкой к твоим наделам, и поставлю перед тобой все мое царство, и назначу тебя старшим из моих везирей, и будешь ты сидеть от меня оправа и управлять моими подданными. А если ты не доставишь мне того, о чем я тебе сказал, я возьму все, что есть в твоих руках, и выгоню тебя из моей страны". – "Слушаю и повинуюсь владыке нашему царю, сказал купец Хасан. – Только невольник твой просит тебя, чтобы ты подождал год, и тогда я расскажу тебе историю, подобную которой ты не слышал в жизни и не слышал никто другой никогда рассказа, подобного ей или лучше ее".

"Я даю тебе отсрочку на целый год", – сказал царь. А затем он велел подать роскошную одежду и надел ее на купца Хасана и сказал: "Оставайся дома, не садись на коня, не уходи и не приходи в течение целого года, пока не явишься с тем, что я от тебя потребовал. И если ты принесешь это, тебе будет особенная милость, и радуйся тому, что я тебе обещал, а если не принесешь этого, то ты не от нас, и мы не от тебя!.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала семьсот пятьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь Мухаммед ибн Сабаик сказал купцу Хасану: "Если ты принесешь мне то, что я от тебя потребовал, тебе будет особенная милость, и радуйся тому, что я тебе обещал, а если не принесешь этого, то ты не от нас и мы не от тебя". Купец Хасан поцеловал землю меж рук царя и вышел. И затем он выбрал из своих невольников пять человек, которые все писали и читали, – а это были люди достойные, разумные и образованные, из приближенных его невольников, – и дал каждому пять тысяч динаров и сказал: "Я воспитал вас только для дня, подобного этому. Помогите же мне исполнить желание царя и спасите меня из его рук". – "А что ты хочешь сделать? Наши души – выкуп за тебя", – спросили невольники. И купец Хасан ответил: "Я хочу, чтобы каждый из вас отправился в какой-нибудь климат и обошел всех людей ученых, образованных, достойных и знающих диковинные рассказы и удивительные повести; разыщите мне повесть о Сейфаль-Мулуке и принесите мне ее, и если вы ее найдете у кого-нибудь, соблазните его платой за нее я, сколько бы он ни потребовал золота или серебра, дайте ему, хотя бы он потребовал от вас тысячу динаров. Дайте ему сколько будет возможно, и обещайте остальное, и принесите мне сказку, и тому из вас, кто нападет на эту сказку и принесет мне ее, я дам роскошные одежды и обильные награды, и не будет у меня никого дороже".

И потом купец Хасан сказал одному из невольников: "Ты отправляйся в страны Индии и Синда с их округами и областями", и другому сказал: "А ты отправляйся в страны персов и Китай с его климатами", и третьему сказал: "А ты отправляйся в страны Хорасана с их округами и климатами", а четвертому сказал: "А ты отправляйся в страны Магриба и его области и климаты и округа и во все его концы", а последнему, то есть пятому, он оказал: "А ты отправляйся в страны Сирии и Египет с их округами и климатами".

И потом купец выбрал им счастливый день и сказал им: "Поезжайте в этот день и постарайтесь раздобыть то, что мне нужно, не будучи небрежными, хотя бы пришлось вам отдать за это душу". И невольники простились с купцом и поехали. И каждый отправился в ту сторону, в какую купец им приказал, и четверо из них отсутствовали четыре месяца и искали, но ничего не нашли и" вернулись. И стеснилась грудь у купца Хасана, когда вернулись к нему эти четыре невольника и рассказали, что они искали в городах, странах и климатах то, что было нужно их господину, и не нашли ничего из этого.

Что же касается пятого невольника, то он ехал, пока не вступил в страны Сирии, и он достиг города Дамаска и увидел, что это город хороший, безопасный, с деревьями, каналами, плодами и птицами, которые прославляют Аллаха, единого, покоряющего, создателя ночи и дня. И невольник провел там несколько дней, спрашивая о том, что было нужно его господину, но никто не давал ему ответа, и он хотел уехать из этого города и направиться в другой город, и вдруг он увидел юношу, который бежал, путаясь в полах своего платья. "Почему ты бежишь огорченный и куда ты направляешься?" – спросил невольник. И юноша ответил: "Здесь есть один достойный шейх, который каждый день садится на скамеечку в такое, как сейчас, время и рассказывает прекрасные повести, рассказы и сказки, подобных которым никто не слышал. Я бегу, чтобы найти себе место близко от него, и боюсь, что не достану места из-за множества народа". – "Возьми меня с собой", – сказал невольник. И юноша молвил: "Иди скорее".

И невольник запер ворота и поспешно пошел с юношей и достиг того места, где шейх рассказывал среди людей. И он увидел, что шейх со светлым ликом сидит на скамеечке и рассказывает людям, и сел близко от него и стал прислушиваться, чтобы услышать его рассказ. И когда пришло время заката солнца, шейх кончил рассказывать, и люди выслушали то, что он рассказал, и разошлись от него. И тогда невольник подошел к шейху и приветствовал его, и тот ответил на его приветствие, умножив пожелания и знаки почтения, и невольник сказал ему: "Ты, господин мой шейх, человек прекрасный, почтенный, и рассказы твои прекрасны, и я хочу тебя кое о чем спросить". – "Опрашивай о чем хочешь", – сказал шейх. И невольник спросил его: "Знаешь ли ты повесть и рассказ о Сейф-аль-Мулуке и Бади-аль-Джемаль?" – "А от кого ты слышал такие слова и кто рассказал тебе об этом?" – спросил шейх. И невольник сказал: "Я не слышал об этом ни от кого, но я из далеких стран и пришел, стремясь найти эту повесть. И что бы ты ни потребовал в уплату за нее, я дам тебе, если она у тебя есть, и ты окажешь мне благодеяние и милость, рассказав мне ее, я сделаешь это по благородным твоим качествам, как милостыню от тебя. Если бы была моя душа в моих руках и я отдал бы ее тебе за эту повесть, мое сердце на это бы согласилось". – "Успокой свою душу и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

прохлади глаза: повесть придет к тебе, – ответил шейх. – Но это рассказ, который не рассказывают на перекрестке, и я не отдам такой повести всякому". – "Ради Аллаха, о господин, – воскликнул невольник, – не скупись на нее для меня и требуй от меня чего хочешь", – воскликнул невольник. И шейх сказал: "Если ты хочешь знать эту повесть, дай мне сто динаров, и я отдам ее тебе, но с пятью условиями".

И, узнав, что у шейха есть эта повесть и он соглашается ее рассказать, невольник обрадовался сильной радостью и сказал: "Я дам тебе сто динаров в уплату за нее и еще десять в придачу и возьму повесть с условиями, о которых ты говоришь". И шейх молвил: "Ступай принеси золото и бери то, что тебе угодно".

И невольник поднялся и поцеловал шейху руки и пошел в свое жилище, радостный и довольный, и взял сто динаров и десять и положил их в бывший у него мешок.

А когда наступило утро, он поднялся и надел свою одежду и, взяв динары, принес их шейху. И он увидел его сидящим у ворот своего дома и приветствовал его, я шейх возвратил ему приветствие, и потом невольник дал ему сто динаров и еще десять, и шейх взял их у него.

И он поднялся и вошел в свой дом, введя с собой невольника, и посадил его в одном месте, а затем он дал ему чернильницу, калам и бумаги и подал ему книгу и сказал: "Пиши из этой книги то, что ты ищешь, – повесть и рассказ о Сейф-аль-Мулуке".

И невольник сидел и списывал эту повесть, пока не кончил ее описывать. И он прочитал ее шейху, и тот исправил ее, а потом сказал: "Знай, о дитя мое, что первое условие – чтобы ты не рассказывал эту повесть на перекрестках дороги или в присутствии женщин и невольниц, рабов, глупцов и детей. Читай ее только эмирам, царям, везирям и людям знания, из толкователей Корана и других". И невольник принял условия и, поцеловав шейху руки, простился с ним и вышел от него..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот пятьдесят восьмая мочь

Когда же настала семьсот пятьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда невольник купца Хасана переписал повесть из книги шейха, который был в Сирии, и тот рассказал ему об условиях, он простился с ним и вышел от него и уехал в тот же день, радостный и довольный. И он все время ускорял ход от сильной радости, охватившей его из-за того, что он раздобыл повесть и

рассказ

о Сейф-аль-Мулуке, и наконец прибыл в свою страну. И тогда он послал своего сопровождающего передать купцу радостную весть и сказать: "Твой невольник прибыл благополучно и достиг того, чего хотел и желал".

А когда невольник прибыл в город своего господина и послал к нему вестника, до срока, о котором царь условился с купцом Хасаном, оставалось только десять дней. И затем невольник вошел к купцу, своему господину, и рассказал ему о том, что ему досталось, и купец обрадовался великой радостью, а невольник отдохнул в месте, где он уединился, и отдал своему господину книгу, в которой был рассказ о Сейф-аль-Мулуке и Бадиаль-Джемаль. И когда его господин увидел ее, он надел на невольника все бывшие на нем одежды и дал ему десять чистокровных коней, десять верблюдов и десять мулов, трех черных рабов и двух белых невольников.

И затем купец взял повесть и написал ее своей рукой, с толкованиями, и вошел к царю и сказал ему: "О счастливый царь, я принес сказки и рассказы, редкие и прекрасные, подобных которым никто никогда не слыхивал". И, услышав слова купца Хасана, царь в тот же час и минуту велел призвать всех разумных эмиров, и всех достойных ученых, и всех образованных людей, и поэтов, и людей умных, и купец Хасан сел и прочитал рту историю у царя.

И когда услышали ее царь и вое присутствующие, они все удивились и нашли повесть прекрасной и также одобрили ее те, кто присутствовал, и купца осыпали золотом, серебром и драгоценными камнями. И потом царь велел дать купцу Хасану роскошную одежду из лучших своих платьев, и подарил ему большой город с его крепостями и деревнями, и сделал его одним из величайших своих везирей, и посадил его от себя справа. И он велел писцам написать эту повесть золотом и положить ее в свою личную казну, и, всякий раз как у царя стеснялась грудь, он призывал купца Хасана, и тот читал ему эту повесть.

А содержание ее было таково:

Был в древние времена и минувшие века и годы в Египте царь, по имени Асим ибн Сафван, и был это царь щедрый, великодушный, почтенный и достойный. И было у него много земель, и крепостей, и укреплений, и солдат, и воинов, и был у него везирь, по имени Фарис ибн Салих, и все они поклонялись солнцу и огню, вместо всевластного владыки, великого, покоряющего. И стал этот царь старым стариком, и ослаб от старости, недугов и дряхлости, так как он прожил сто восемьдесят лет, и не было у него ребенка – ни мальчика, ни девочки, и был он, по причине этого, и ночью и днем озабочен и огорчен.

И случилось, что в один из дней сидел царь Асим на престоле своего царства, и эмиры, везири, предводители и вельможи правления служили ему, как обычно, сидя по мере своих степеней, и всякому из эмиров, который входил к нему и с которым был сын или двое сыновей, царь завидовал и говорил в душе: "Всякий веселится и радуется на своих детей, а у меня нет ребенка, и завтра я умру и оставляю мое царство, и престол, и казну, и богатства, и возьмут их чужие люди, и не вспомнит меня совсем никто, и не останется обо мне памяти в мире". И царь Асим погрузился в море размышлений, и от обилия приходивших к его сердцу дум и печалей он заплакал и, сойдя с престола, сел на землю, плача и унижаясь. И когда его везирь и присутствовавшее собрание вельмож царства увидели, что царь сделал с собой такое дело, они закричали на людей и сказали им: "Расходитесь по домам и отдыхайте, пока царь не очнется от того, что с ним случилось".

И все ушли, и остались только царь с везирем, и когда царь очнулся, везирь поцеловал землю меж его руками и спросил его: "О царь времени, в чем причина такого плача? Расскажи мне, кто враждует с тобой из царей и владетелей крепостей или эмиров и вельмож правления, и осведоми меня, кто тебе прекословит, о царь, чтобы мы все пошли против него и вынули бы ему душу из боков". Но царь не заговорил и не поднял головы, и тогда везирь поцеловал перед ним землю второй раз и сказал: "О царь времени, я тебе и сын и раб, и ты меня воспитал, а я не знаю причины твоего огорчения, заботы и печали и не знаю, что с тобой. Кто же знает это, кроме меня, и кто встанет перед тобой на мое место? Расскажи мае о причине такого плача и огорчения". Но царь не заговорил, не раскрыл рта, и не поднял головы, и не перестал плакать и кричать громким голосом, и рыдать великими рыданиями, и охать, а везирь терпеливо ждал, и потом он сказал ему: "Если ты мне не скажешь, в чем причина этого, я сейчас же убью себя перед тобою; у тебя на виду, и не буду видеть тебя озабоченным".

И царь Асим поднял голову и вытер слезы и сказал: "О везирь и добрый советчик, оставь меня с моей заботой и огорчением – довольно с меня той печали, что у меня в сердце". И везирь молвил: "Скажи мне, о царь, в чем причина этого плача. Быть может, Аллах пошлет тебе облегчение через мои руки..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот пятьдесят девятая ночь

Когда же настала семьсот пятьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда везирь сказал царю Асиму: "Скажи мне, в чем причина этого плача. Быть может, Аллах пошлет тебе облегчение через мои руки", царь сказал ему: "О везирь, мой плач не о деньгах, не о конях и не о чем-нибудь подобном, но сделался я старым человеком, и стало мне под сто восемьдесят лет жизни, и не досталось мне ребенка – ни мальчика, ни девочки. И когда я умру, меня похоронят, и сотрется мой след, и исчезнет мое имя, и возьмут

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

чужие люди мой престол и царство, и не вспомнит меня никто никогда". И тогда везирь ответил: "О царь времени, я старше тебя на сто лет, и мне никогда не досталось ребенка, и непрестанно, ночью и днем, я в заботе и огорчении, и что же нам с тобой делать. Но я слышал историю Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! и слышал, что у него есть великий владыка, который властен во всякой вещи, и надлежит мне пойти к Сулейману с подарком и направиться к нему, чтобы он попросил своего владыку – быть может, он наделит каждого из нас ребенком".

И везирь собрался в путешествие и, взяв роскошный подарок, отправился с ним к Сулейману, сыну Дауда, – мир с ними обоими! – и вот то, что было с везирем. Что же касается Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! то Аллах – велик он и славен! – послал ему откровение и сказал: "О Сулейман, царь Египта послал к тебе своего великого везира с подарками и редкостями, такими–то и такими–то. Пошли же к нему твоего везира, Асафа ибн Барахию, чтобы он встретил его с почетом и приготовил ему пищу в местах стоянок, а когда он явится к тебе, окажи ему: "Царь прислал тебя, чтобы просить о том–то и о том–то, и нужда твоя – такая–то и такая–то, и предложи ему принять веру".

И тогда Сулейман приказал своему везиру Асафу взять с собой множество своих приближенных и встретить послов с почетом и роскошной пищей на местах стоянок. И Асаф выехал, собрав все необходимое, им навстречу, и ехал, пока не доехал и не встретил Фариса, везира царя Египта. И он встретил везира и приветствовал его и оказал ему и всем, кто был с ним, великий почет и предлагал им, на местах стоянок, пищу и корм и говорил: "Семья, приют и простор гостям прибывающим! Радуйтесь удовлетворению ваших забот, успокойте вашу душу и прохладите глаза, и пусть ваша грудь расправится".

И везирь говорил в душе: "Кто им рассказал об этом?" И он опросил Асафа ибн Барахию: "Кто рассказал вам о нас и о наших желаниях, о господин мой?" И Асаф ответил ему: "Сулейман, сын Дауда, – мир с ними обоими! – рассказал нам об этом". И везирь Фарис спросил: "А кто рассказал господину нашему Сулейману?" И Асаф ответил: "Рассказал нам господь небес и земли, бог всех тварей". – "Поистине, это бог великий!" – воскликнул везирь Фарис. И Асаф ибн Барахия спросил его: "А разве вы ему не поклоняетесь?" И ответил Фарис, везирь царя Египта: "Мы поклоняемся солнцу и падаем перед ним ниц". И Асаф оказал ему: "О везирь Фарис, солнце – звезда среди прочих звезд, сотворенных Аллахом – велик он и славен! – и далеко до того, чтобы оно было богом. Солнце временами появляется и временами исчезает, а наш господь присутствует всегда и не исчезает, и он властен во всякой вещи".

И потом они проехали немного и достигли земли Саба, и близок стал престол власти Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! И Сулейман, сын Дауда, – мир с ними обоими! – приказал своим войскам из людей, джиннов и других выстроиться на пути их рядами, и встали звери моря и слоны, пантеры и барсы, все вместе, и построились на дороге двумя рядами, и каждый род зверей собрался во всех видах отдельно. И джинны тоже все явились глазам без прикрытия, в ужасающем образе разных видов, и встали вместе, двумя рядами. И птицы развернули крылья над созданиями, чтобы дать им тень, и стали птицы перекликаться на всяких языках и на всякие напевы.

И когда приблизились к ним путешественники, люди Египта убоялись их и не отваживались идти дальше, но Асаф оказал: "Войдите в их среду и идите, не боясь их. Они – подданные Сулеймана, сына Дауда, и никто из них не сделает вам вреда". И потом Асаф вошел в середину войск, и вошли за ним все люди вместе, и были в числе их люди везира царя Египта, которые боялись. И они шли до тех пор, пока не достигли города, и их поместили в Доме гостеприимства и оказывали им величайший почет и приносили им роскошные угощения три дня.

А потом их привели к Сулейману, пророку Аллаха – мир с ним! – и, войдя к нему, они хотели поцеловать перед ним землю, но Сулейман ибн Дауд не дал им это сделать и сказал: "Не должно человеку падать ниц на землю ни перед кем, кроме Аллаха – велик он и славен! – творца небес и земли и всего другого. Кто из вас хочет стоять, пусть стоит, но никто из вас пусть не стоит, прислуживая мне". И они повиновались, и везирь Фарис с некоторыми слугами сел, и стояли, прислуживая ему, некоторые из малых. И когда они уселись, для них разложили скатерти, и люди и весь народ ели кушанья, пока не насытились.

А потом Сулейман велел везиру Египта сказать о своей нужде, чтобы была она исполнена, и молвил: "Говори и не скрывай ничего из того, зачем ты пришел, ибо ты пришел только ради исполнения нужды, и я расскажу тебе о вей. Она – такая–то и такая–то. И царя Египта, который послал тебя, зовут Асим, и стал он стариком, старым, дряхлым и слабым, и не наделил его Аллах великий ребенком – ни мальчиком, ни девочкой, и пребывал он в горе, заботе и размышлениях ночью и днем. И случилось, что он сидел в один день из дней на престоле своего царства, и вошли к нему эмиры и везиры и вельможи правления, и увидел он с некоторыми сына, с некоторыми двоих, а с некоторыми – троих, и они входили со своими детьми, и те стояли, прислуживая. И царь подумал про себя и воскликнул от чрезмерной печали: "Посмотреть бы, кто возьмет царство после моей смерти, и возьмет ли его кто–нибудь, кроме чужого, и будет так, словно меня не было!" И он погрузился, по причине этого, в море дум и до тех пор размышлял, печальный, пока глаза его не пролили слез, и тогда он закрыл лицо платком и заплакал сильным плачем. И он поднялся с престола и сел на землю, плача и рыдая, и не знал, что у него в сердце, никто, кроме Аллаха великого, и сидел он на земле..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот шестидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот шестидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что пророк Аллаха Сулейман, сын Дауда, – мир с ними обоими! – рассказал везиру Фарису о том, что постигла царя печаль, и стал он плакать, и о том, что случилось у царя с его везирем Фартасом от начала до конца, и после этого спросил везира Фариса: "То, что я сказал тебе, о везирь, правильно?" И везирь Фарис молвил: "О пророк Аллаха, то, что ты мне говорил, – истина и правда, но только, о пророк Аллаха, когда я разговаривал с царем об этом деле, с нами не было никого совершенно, и не знал о нас никто из людей. Кто же рассказал тебе обо всех этих делах?" – "Рассказал мне господь мой, который знает о взглядах украдкой и о том, что таится в груди", – ответил Сулейман. И тогда везирь Фарис воскликнул: "О пророк Аллаха, поистине это господь благой, великий, властный во всякой вещи!"

И затем везирь Фарис и те, кто был с ним, приняли ислам, и пророк Аллаха Сулейман оказал везиру: "С тобой такие–то и такие–то редкости и подарки". И везирь ответил: "Да". И Сулейман молвил: "Я принимаю от тебя их все, но дарю их тебе. Отдохни же со своими людьми в том месте, где вы расположились, чтобы прошло ваше утомление от дороги, а завтра, если захочет Аллах великий, твоя нужда будет исполнена наисовершеннейшим образом, по воле Аллаха великого, господа земли и неба, творца всех тварей".

И везирь Фарис ушел в свое место, и потом отправился к господину нашему Сулейману на другой день, и пророк Аллаха Сулейман сказал ему: "Когда ты прибудешь к царю Асиму ибн Сафвану и встретишься с ним, поднимитесь на такое–то дерево и сидите молча, а когда придет время между двух молитв [609] и охладится полдневный зной, спуститесь под дерево и посмотрите: вы увидите там двух выползающих змей, и голова одной будет как у обезьяны, а голова другой – как у ифрита. И когда вы их увидите, пустите в них стрелы и убейте их, а потом отрубите с пядь мяса со стораны их голов и с пядь мяса со стороны их хвостов, а оставшееся мясо сварите как следует и накормите ваших жен и проспите с ними ночь. И они понесут по соизволению Аллаха великого детей – мальчиков".

И потом Сулейман–мир с ним! – принес перстень, и меч, и узел, в котором были два кафтана, обшитые драгоценными камнями, и сказал: "О везирь Фарис, когда вырастут ваши сыновья и достигнут зрелости мужчин, дайте каждому кафтан из этих кафтанов". А затем он сказал везиру: "Во имя Аллаха! Исполнил Аллах великий твою нужду, и останется тебе только уезжать с благословения Аллаха великого. Царь ночью и днем ожидает твоего прибытия, и глаз его постоянно смотрит на дорогу".

И везирь Фарис подошел к пророку Аллаха Сулейману, сыну Дауда, – мир с ними обоими! – и простился с ним и вышел от него после того, как поцеловал ему руки, и ехал весь остальной день, радуясь исполнению своей нужды. И он ускорял ход ночью и даем и ехал до тех пор, пока не подъехал близко к Египту. И тогда он послал одного из своих слуг уведомить царя Асима об ртом. И царь Асим, услышав о его прибытии и исполнении своей нужды, обрадовался великой радостью, так же как его приближенные и вельможи его царства, и все его войска, особенно радуясь благополучию везира Фариса.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И когда царь встретился с везирем, везирь спешил и поцеловал землю меж его рук и обрадовал царя вестью о том, что его нужда исполнена наисовершеннейшим образом, и предложил ему принять веру и ислам. И царь Асим предал себя Аллаху и сказал везиру Фарису: "Ступай домой и отдохни эту ночь и еще отдыхай неделю времени и сходи в баню, а потом приходи ко мне, и я расскажу тебе об одной вещи, о которой мы оба подумаем". И везирь поцеловал землю и ушел со своими приближенными, слугами и челядинцами к себе домой и отдыхал восемь дней, а потом он отправился к царю и рассказал ему обо всем, что произошло у него с Сулейманом, сыном Дауда, – мир с ними обоими! – я затем сказал царю: "Выходи один и пойдем со мной".

И царь с везирем поднялись и взяли два лука и две стрелы и влезли на дерево и сидели молча, пока не прошло время полудня. И они сидели, пока не приблизилась предвечерняя молитва, а потом спустились и посмотрели и увидели двух змей, которые выползали из-под дерева. И, посмотрев на них, царь полюбил их, и они ему понравились, так как он увидел на них золотые ожерелья. "О везирь, – сказал он, – эти змеи в золотых ожерельях, и, клянусь Аллахом, это вещь удивительная! Давай схватим их и посадим в клетку и будем на них смотреть!" – "Аллах сотворил их ради их полезности, – ответил везирь. – Пусты ты стрелу в одну, и я пушу стрелу в другую". И оба пустили в змей стрелы и убили их и, отрезав пядь со стороны головы и пядь со стороны хвоста, бросили это мясо, а остальное они унесли в дом царя и, призвав повара, отдали ему мясо и сказали: "Свари из этого мяса хорошее кушанье с поджаренным луком и пряностями и положи его в две миски и принеси их. Приходи сюда в такое-то время и в таком-то часу, и не опаздывай..."

И Шахразад устала, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестьдесят первая ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь и везирь отдали повару змеиное мясо и сказали ему: "Свари его и положи в две миски и принеси их сюда, и не опаздывай", повар взял мясо и пошел на кухню и стал его варить и сварил как следует, с великолепным поджаренным луком, а потом он положил его в две миски и принес их царю и везиру. И царь взял миску и везирь миску, и они накормили тем, что было в них, своих жен и проспали с ними ночь, и по воле Аллаха – слава ему и величие! – по желанию его и могуществу, обе женщины понесли в ту же ночь. И царь провел после этого три месяца с расстроенным умом, говоря про себя: "Узнать бы, верное это дело или не верное".

А потом, в один из дней, его жена сидела, и дитя шевельнулось у нее в животе, и поняла она, что она носит. И ей стало больно, и изменился цвет ее лица, и она позвала одного из евнухов, бывших при ней (а это был старший из них), и сказала: "Ступай к царю, в каком бы он ни был месте, и скажи ему: "О царь времени, я тебя обрадую – беременность нашей госпожи стала видимой и дитя пошевелилось у нее в животе".

И евнух вышел поспешно, радостный, и увидел, что царь сидит один, приложив руку к щеке, и размышляет, и тогда евнух подошел к нему и поцеловал землю меж его руками и рассказал ему, что его жена понесла. И, услышав слова евнуха, царь поднялся на ноги и от сильной радости поцеловал евнуха руку и голову и, сняв то, что было на нем надето, отдал это евнуху и сказал тем, кто был в его приемной зале: "Тот, кто любит меня, пусть окажет ему милости!" И евнуху подарили денег, драгоценных камней, яхонтов, коней, мулов и садов столько, что не счесть и не перечислить.

И в это время вошел к царю везирь и сказал ему: "О царь времени, я сейчас сидел у себя дома один, и был мой ум занят размышлениями, и я говорил про себя: "Посмотреть бы, правда ли это и забеременеет Хатун или нет", – как вдруг вошел ко мне евнух и обрадовал меня вестью о том, что моя жена Хатун понесла и что дитя шевельнулось у нее в животе и цвет ее лица изменился. И от радости я снял всю бывшую на мне одежду и отдал ее евнуху и дал ему тысячу динаров и назначил его главным евнухом". И царь Асим сказал: "О везирь, Аллах – благословен он и возвеличен! – пожаловал нам свою милость и благодеяние, и был к нам щедр и великодушен, и ниспослал нам свою правую веру. Он почтил нас своей милостью и благодеянием и вывел нас из тьмы к свету, и я хочу облегчить людям их участь и обрадовать их". – "Делай что хочешь", – сказал везирь.

И тогда царь молвил: "О везирь, пойди сейчас же и выведи всех, кто есть в тюрьме, из свершивших проступки, и тех, ста ком есть долги, а всякому, кто совершит грех после этого, мы воздадим, как он заслуживает. Мы снимем с людей подать на три года, и поставь вокруг города кухню, вдоль его стен, и прикажи поварам повесить там всевозможные кастрюли и стряпать всякие кушанья, продолжая стряпню и ночью и днем, и все, кто есть в этом городе и в окружающих его селениях, далеких и близких, пусть едят и пьют и уносят домой. И прикажи людям радоваться и украшать город семь дней и не запирайте лавок ни ночью, ни днем".

И везирь вышел в тот же час и минуту и сделал так, как приказал ему царь Асим. И украсили город, крепость и башни наилучшими украшениями, и надели самые красивые одежды, и стали люди есть и пить, играть и веселиться.

И наконец пришли в одну ночь из ночей потуги к жене царя, после того как дни ее беременности кончились. И царь Асим велел привести всех, кто был в городе из ученых, астрономов, образованных людей, главарей звездочетов, достойных людей и обладателей перьев, и они явились и сели и стали ждать, пока бросят шарик на блюдо – а это был знак от звездочетов и домочадцев. И все они сидели и ждали, и наконец шарик бросили, и царица родила мальчика, подобного обрезку месяца в ночь полнолуния, я звездочеты принялись высчитывать и определять его звезду и гороскоп, и установили числа. И все стали их спрашивать.

И тогда звездочеты поцеловали землю и обрадовали царя вестью, что это дитя благословенное и счастливое в начинаниях. "Но только в начале жизни случится с ним что-то, о чем мы боимся сказать царю". – "Говорите, и пусть не будет у вас никакого страха", – молвил царь. И звездочеты сказали: "О счастливый царь, твое дитя выйдет из этой земли и будет странствовать на чужбине и тонуть в море я испытает беду, плен и стеснение. И пойдут перед ним бедствия многие, но потом, после этого, он освободится и достигнет желаемого и проживет остальной свой век приятнейшей жизнью, и будет он управлять рабами и странами и распоряжаться на земле, наперекор врагам и завистникам". И молвил царь, услышав слова звездочетов: "Дело будущего сокрыто, и вое, что предначертал Аллах великий рабу из благого и злого, получит он полностью, и неизбежно придет к нему от сего дня до того времени тысячу раз помощь". И он не посмотрел на слова звездочетов и наградил почетными одеждами их и всех людей, что присутствовали, и вое они ушли.

И вдруг пришел к царю везирь Фарис, радостный, и поцеловал землю меж его рук и сказал ему: "О царь! Радостная весть! Моя жена сейчас родила дитя, подобное обрезку месяца". – "О везирь, иди принеси его сюда, чтобы они оба воспитывались вместе, в моем дворце, – сказал царь. – Помести твою жену подле моей жены, чтобы они вместе воспитывали своих детей, и того и другого". И везирь доставил свою жену и ребенка, и обоих детей отдали нянькам и кормилицам.

А когда прошло семь дней, их принесли к царю Асиму и спросили его: "Как ты их назовешь?" – "Назовите их вы сами", – сказал царь. И ему сказали: "Никто не даст имени сыну, кроме его отца". И тогда царь сказал: "Назовите моего сына: Сейф-аль-Мулук, по имени моего деда, а сына везиря назовите Сайд". И царь наградил няnek и кормилиц и сказал им: "Заботьтесь о мальчиках и воспитывайте их наилучшим образом".

И кормилицы старательно воспитывали их, пока не стало каждому пять лет жизни. И тогда царь отдал детей факиху в школу, и тот учил их Корану и письму, пока им не исполнилось десять лет, и царь отдал их учителям, чтобы они научили их езде на коне, метанию стрел, игре с копьем и игре в шар, и науке воинской доблести, и их учили, пока им аде исполнилось пятнадцати лет жизни. И стали они искусны во всех науках, так что никто не мог с ними сравняться в воинской доблести, и каждый из них бился с тысячей противников и справлялся с ними один. И они достигли зрелости, и когда царь Асим смотрел на них, он радовался сильной радостью.

Когда же исполнилось им двадцать лет жизни, царь Асим позвал своего везиря Фариса в место уединенное и сказал ему: "О везирь, мне пришло на ум одно дело, которое я хочу совершить, но я посоветуюсь о нем с тобою". – "Что бы ни пришло тебе на ум, делай это, ибо мнение твоё благословенно", – сказал везирь. И царь Асим молвил: "О везирь, я стал старым человеком и дряхлым старцем, так как далеко зашли мои годы, и я хочу сидеть в келье и поклоняться Аллаху великому и отдать мою власть и звание султана моему сыну Сейф-аль-Мулуку – он ведь стал юношей прекрасным, совершенным по доблести и разуму, вежеству и пристойности и умению управлять. Что же ты скажешь,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

о везирь, об этом замысле?" – "Прекрасен замысел, который ты замыслил, и этот замысел – благословенный и счастливый, – сказал везирь. – Если ты это сделаешь, я тоже сделаю, как ты, я мой сын Сайд будет ему везирем, так как это прекрасный юноша, обладатель знаний и верного мнения, и будут они управлять вместе, а мы станем направлять их дела и не будем небрежны, а напротив, укажем им прямой путь".

И сказал тогда царь Асим своему везиру: "Напиши письма и отправь их со скороходами во все климаты, страны, крепости и укрепления, которые нам подвластны, и прикажи их начальникам, чтобы они в таком–то месяце явились на площадь Слона". И везирь Фарис вышел в тот же час и минуту и написал всем наместникам и начальникам крепостей и тем, кто был подвластен царю Асиму, чтобы они все явились в таком–то месяце, и приказал, чтобы явились все, кто есть в городе, и ближний и дальний.

И когда прошла большая часть оставшегося срока, царь Асим приказал постельничим разбить шатры посреди площади и украсить их роскошными украшениями и поставить большой престол, на который царь садился только в дни празднеств. И они тотчас же сделали все, что он им приказал, и поставили престол, и вышли наместники, царедворцы и эмиры, и вышел царь и велел кричать среди народа: "Во имя Аллаха! Выходите на площадь!"

И тогда вышли на эту площадь эмиры, везиры и правители климатов и селений, и вошли в шатер, служа царю, и все стали по местам, и некоторые из них сидели, а другие стояли. И когда собрались все люди, царь велел раскладывать скатерть, и ее разложили и стали есть и пить и пожелали царю блага. И потом царь приказал царедворцам кричать среди людей, чтобы они не уходили, и стали кричать и сказали возвещая: "Пусть никто из вас не уходит, пока не услышит слов царя!" А потом подняли занавесы, и царь сказал: "Кто меня любит, тот пусть остается, чтобы услышать мои слова". И все люди сели со спокойной душой, после того как были испуганы.

И тогда царь поднялся на йоги и взял с них клятву, что никто не встанет с места, и сказал: "О эмиры, везиры и вельможи правления, большие и малые, и все люди, что присутствуют здесь! Знаете ли вы, что это царство у меня наследственное, от отцов и дедов?" – "Да, о царь, мы все это знаем", – ответили люди. И царь сказал: "Мы с вами все поклонялись солнцу и месяцу, и наделил нас Аллах великий верой и спас нас из мрака, выведя к свету, и привел нас Аллах, – слава ему и величие! – к вере ислама. Знайте, что я стал теперь старым человеком, дряхлым, бессильным старцем, и хочу сидеть в келье, поклоняясь великому Аллаху и прося у него прощения в прошлых грехах. Вот мой сын, Сейфаль–Мулук – правитель, и вы знаете, что это юноша прекрасный, красноречивый, опытный в делах, разумный, достойный и справедливый. Я желаю в этот час отдать ему мое царство и сделать его над вами царем, вместо меня, и посадить его на мое место, султаном, и сам я уединюсь для поклонения Аллаху великому в келье, а мой сын Сейф–аль–Мулук примет власть и будет творить суд между вами. Что же скажете вы все вместе?"

И все поднялись и поцеловали землю меж рук царя и ответили вниманием и повиновением и сказали: "О царь наш и защитник, если бы ты поставил над нами раба из твоих рабов, мы бы были ему покорны и послушались бы твоего слова и исполнили бы твое приказание. Как же не быть этому с твоим сыном Сейф–аль–Мулуком? Мы его принимаем и согласны на него – на голове и на глазах!"

И царь Асим ибн Сафван поднялся и сошел с седалища и посадил своего сына на большой престол, и он снял со своей головы венец и возложил его на голову сына и перевязал ему стан поясом власти. И потом царь Асим сел на престол царства рядом со своим сыном, и поднялись эмиры и везиры, и вельможи правления, и все люди и поцеловали перед ним землю и остались стоять, говоря один другому: "Он достоин царской власти, и она к нему ближе, чем к другому". И провозгласили пощадку, и люди пожелали царю победы и преуспевания, и Сейфаль–Мулук стал сыпать золото и серебро всем людям на головы..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестьдесят вторая ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь Асим посадил своего сына Сейф–аль–Мулука на престол и все люди пожелали ему победы и преуспевания, он стал сыпать всем на головы золото и серебро и награждать одеждой и дарить и оделять.

А через мгновение поднялся везирь Фарис и поцеловал землю и сказал: "О эмиры, о вельможи правления, знаете ли вы, что я везирь и что везирство мое древнее, пришедшее ко мне раньше, чем взял власть царь Асим ибн Сафван? А теперь он снял с себя власть и назначил своего сына вместо себя". И люди ответили: "Да, мы знаем, что твое везирство переходило к отцам от дедов". И везирь молвил: "А теперь я низлагаю себя и назначаю вот этого моего сына, Сайда, ибо он разумен, сметлив и опытен. Что же скажете об этом вы все?" – "Не годится я везири царю Сейф–аль–Мулуку никто, кроме твоего сына Сайда, – они подходят один к другому", – ответили люди.

И тогда везирь Фарис поднялся и, сняв тюрбан везирства, возложил его на голову своего сына Сайда, а также поставил перед ним везирскую чернильницу. И царедворцы с эмирами сказали: "Поистине, он достоин быть везирем!" И поднялись тогда царь Асим с везирем Фарисом и открыли казнохранилища и наградили роскошными одеждами властителей, эмиров, везирей и вельмож правления и всех людей, и выдали жалованье и награды, и написали новые указы и постановления с подписью Сейфаль–Мулука и подписью везирия Сайда, сына везирия Фариса. И люди оставались в городе неделю, а потом каждый отправился в свое селение и местность.

И тогда царь Асим взял своего сына Сейф–аль–Мулука и Сайда, сына везирия, и они пошли в город и поднялись во дворец и, призвав казначея, велели ему принести меч, перстень, узел и печать, и царь Асим сказал: "О дети мои, подойдите, и пусть каждый из вас выберет что–нибудь из этих подарков, и возьмите себе". И первым протянул руку Сейф–аль–Мулук и взял узел и перстень, а Сайд протянул руку и взял меч и печать, и они поцеловали царю руки и отправились в свои жилища. А когда Сейф–аль–Мулук взял узел, он не развернул его и не посмотрел, что есть там, а бросил его на ложе, на котором он спал ночью с Саидом, своим везирем (а у них было в обычае спать вместе), и им постлали постель для сна, и оба легли на постель вместе, – а свечи освещали их.

И оба проспали до полуночи, а потом Сейф–аль–Мулук пробудился от сна и заметил у себя в головах узел и сказал про себя: "Посмотреть бы, что такое в этом узле, который царь подарил нам из своих редкостей". И он взял узел и, захватив свечу, сошел с ложа, оставив Сайда спящим, и вошел в кладовую, и развернул узел, и увидел в нем кафтан, сработанный джиннами. И он развернул кафтан и разложил его и увидел на подкладке, внутри, ближе к спине кафтана, изображение девушки, нарисованное золотом (а красота ее была удивительна).

И когда Сейф–аль–Мулук увидел это изображение, ум улетел у него из головы, и он стал бесноватым от любви к этому образу и упал на землю, покрытый беспометством. И он начал плакать и рыдать и бить себя по лицу и груди и целовать изображение, а потом произнес такие два стиха:

"Любовь вначале слюны струей нам кажется

Несут ее и гонят ее судьбы.

Но когда войдет молодец глубоко в моря любви,

Великим станет дело, непосильным".

И еще он произнес такое двестише:

"Коль знал бы я, что страсть люден такова всегда

И уносит души, то был бы я опаслив.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Но бросился нарочно я, умышленно,

Не зная про любовь – какую будет".

И Сейф-аль-Мулук до тех пор рыдал и плакал и бил себя по лицу и по груди, пока не проснулся везирь Сайд, и он посмотрел на постель и не нашел Сейф-аль-Мулука и увидел только одну свечу и сказал про себя: "Куда девался Сейф-аль-Мулук?" И он взял свечу и поднялся и обошел весь дворец и, дойдя до кладовой, где был Сейфаль-Мулук, увидел, что он горько плачет и рыдает. "О брат мой, – спросил он, – из-за чего этот плач? Что с тобой случилось? Расскажи мне и поведай о

причине

этого".

Но Сейф-аль-Мулук не заговорил с ним и не поднял головы, а только плакал и рыдал и ударял себя в грудь рукою.

И, увидав, что он в таком состоянии, Сайд сказал ему: "Я твой везирь и брат, и мы воспитывались с тобою вместе, и если ты мне не объяснишь своих дел и не сообщишь мне своей тайны, кому же ты ее выскажешь и сообщишь?" И Сайд унижался и целовал землю долгое время, но Сейф-аль-Мулук не обращал на него внимания и не говорил ему ни одного слова, а только плакал. И когда Сайд испугался за его состояние и обессилил от напрасных уговоров, он вышел и, взяв меч, вернулся в кладовую,

где

был Сейф-аль-Мулук, и, приложив кончик меча к груди, сказал Сейф-аль-Мулуку: "Очнись, о брат мой. Если ты мне не скажешь, что с тобой случилось, я убью себя и не буду тебя видеть в таком состоянии".

И тогда Сейф-аль-Мулук поднял голову к своему везиру Сайду и сказал ему: "О брат мой, мне стыдно тебе сказать и рассказать тебе, что со мной случилось". И Сайд воскликнул: "Прошу тебя ради Аллаха, владыки владык, освободителя рабов, первопричины причин, единого, прощающего, великодушного, одаряющего, скажи мне, что с тобой случилось, и не стыдись меня: я ведь твой раб, везирь и советчик во всех делах!" – "Подойди сюда, посмотри на этот образ", – сказал Сейф-аль-Мулук. Увидав изображение, Сайд всматривался в него долгое время и увидел, что на голове его выведено нанизанным жемчугом: "Этот образ – образ Бади-аль-Джемаль, дочери Шаммаха ибн Шаруха [610], царя из царей правоверных джиннов, которые обитают в городе Бабиле [611] и живут в саду Ирема, сына Ада старшего..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестьдесят третья ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Сейф-аль-Мулук, сын царя Асима, и везирь Сайд, сын везирия Фариса, прочитали надпись на кафчане и увидели изображение Бади-аль-Джемаль, дочери Шаммаха ибн Шаруха, царя из царей правоверных джиннов, что обитают в городе Бабиле и живут в саду Ирема, сына Ада старшего, и везирь Сайд спросил царя Сейф-аль-Мулука: "О брат мой, знаешь ли ты, кто обладательница этого образа среди женщин, чтобы мы могли ее искать?" И Сейф-аль-Мулук ответил: "Нет, клянусь Аллахом, о брат мой, я не знаю, кто обладательница этого образа". – "Подойди прочитай эту надпись", – сказал Сайд. И Сейф-аль-Мулук подошел и прочитал надпись, которая была на венце, и понял ее содержание, и тогда он закричал из глубины сердца и воскликнул: "Ахах-ах!" И Сайд сказал ему: "О брат мой, если обладательница этого образа существует и ее имя – Бади-альДжемаль и она на этом свете, я поспешу отыскать ее не откладывая, чтобы ты достиг желаемого. Ради Аллаха, о брат мой, оставь плач, чтобы могли войти люди правления и служить тебе, а когда наступит рассвет дня, я призову купцов, нищих, странников и бедняков и спрошу их о приметах этого города: может быть, кто-нибудь, по благодати Аллаха – слава и величие ему! – и с его помощью, укажет нам этот город и сад Ирема".

И когда наступило утро, Сейф-адь-Мулук вышел и поднялся на престол, обнимая руками кафтан, так как он не вставал и не садился и не приходил к нему сон без этого кафтана, и вошли к нему эмиры, везири, воины и вельможи правления. И когда диван наполнился и собравшиеся расположились в порядке, царь Сейф-аль-Мулук сказал своему везиру Сайду: "Выйди к ним и скажи: "С царем случилось нездоровье, и, клянусь Аллахом, он провел вчера ночь совсем больной". И везирь Сайд вышел и передал людям то, что сказал ему царь.

И когда услышал это царь Асим, ему не показалось ничтожным дело его сына, и он призвал врачей и звездочетов и вошел с ними к своему сыну Сейф-аль-Мулуку, и они посмотрели на него и прописали ему питье. Но болезнь его продлилась три месяца, и царь Асим сказал присутствующим врачам, разгневанный на них: "Горе вам, о собаки, разве вы все бессильны вылечить моего сына? Если вы его сейчас не вылечите, я вас всех убью!" И старший начальник врачей молвил: "О царь времени, мы знаем, что это твой сын, а ты знаешь, что мы не бываем небрежны при лечении даже чужого, так как же может быть небрежность при лечении твоего сына? Но у твоего сына тяжелая болезнь, и если ты хочешь знать о ней, мы тебе о ней скажем и расскажем про нее". – "Что стало вам ясно о болезни моего сына?" – спросил царь Асим. И старый врач сказал ему: "О царь времен!" – твой сын теперь влюблен, и он любит ту, к сближению с кем нет пути". И царь Асим рассердился на врачей и сказал им: "Откуда вы узнали, что мой сын влюблен, и откуда пришла любовь к моему сыну?" И врачи ответили: "Спроси его брата и везирия Сайда, он – тот, кто знает о его состоянии".

И царь Асим поднялся и вошел в кладовую и, призвав Сайда, сказал ему: "Скажи мне правду об истинной болезни твоего брата". И Сайд ответил: "Я не знаю его истинной болезни". И тогда царь сказал меченосцу: "Возьми Сайда, завяжи ему глаза и отруби ему голову". И Сайд испугался за себя и воскликнул: "О царь времени, дай мне пощаду!" И царь молвил: "Говори, и тебе будет пощада". И тогда Сайд сказал: "Твой сын влюблен!" – "А кто его возлюбленная?" – спросил царь. И Сайд ответил: "Дочь одного царя из царей джиннов. Он увидел ее изображение на кафтане, что был в том узле, который подарил вам Сулейман, пророк Аллаха".

И тогда царь Асим поднялся и, войдя к своему сыну Сейф-аль-Мулуку, спросил его: "О дитя мое, что тебя поразило и что это за изображение, которое ты полюбил? Отчего ты не рассказал мне?" – "О батюшка, – ответил Сейф-аль-Мулук, – мне было тебя стыдно, и я не мог заговорить с тобой об этом, и я никому не могу ничего открыть из этого. Теперь ты знаешь о моем состоянии, посмотри же, что ты сделаешь, чтобы меня вылечить". – "Какова же будет хитрость? – молвил царь. – Будь это девушка из девушек людей, мы бы придумали хитрость, чтобы до нее добраться, но она из дочерей царей джиннов, и кто может ее найти, если не будет это Сулейман ибн Дауд – он тот, кто может это сделать. А ты, о дитя мое, поднимайся сейчас же и укрепи свою душу. Садись на коня и выезжай на охоту и ловлю и на ристалище для игр, займись едой и питьем и прогони из сердца заботу и огорчение. Я приведу тебе сто девушек из царских дочерей, и нет тебе нужды в дочерях джиннов, над которыми у нас нет власти, и они не нашей породы". – "Я не оставляю ее и не буду искать другую!" – воскликнул Сейф-аль-Мулук. И его отец спросил: "Как же поступить, о дитя мое?" И юноша молвил: "Приведи всех купцов, путешественников и странствующих по городам, и мы спросим их об этом – может быть, Аллах приведет нас к саду Ирема и к городу Бабилю".

И царь Асим приказал, чтобы явились все купцы в городе и все чужеземцы и все начальники моря, и когда они явились, спросил их про город Бабиль, про его остров и про сад Ирема, но никто не знал их примет и ничего о них не поведал. А когда собрание расходилось, один из спрошенных сказал: "О царь времени, если ты хочешь узнать об этом, отправляйся в страну Син – там есть большой город, и, может быть, кто-нибудь из его жителей укажет тебе то, что ты хочешь".

И тогда Сейф-аль-Мулук сказал: "О батюшка, снаряди мне корабль, чтобы поехать в страну Син". И его отец, царь Асим, сказал ему: "О дитя мое, сиди на престоле твоего царства и управляй подданными, а я поеду в страну Син и отправлюсь для этого дела сам". – "О батюшка, – ответил Сейф-аль-Мулук, – это дело касается меня, и никто не может искать его так, как я. Да и что случится, если ты дашь мне позволение уехать, и я поеду и отправлюсь на некоторое время на чужбину? Если я найду вести об этой девушке, – желаемое достигнуто, а если не найду о ней вестей, путешествие расправит мне грудь и оживит мой разум, и станет мое дело легче по этой причине. Если я буду жив, то

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

вернусь к тебе невредимым..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестьдесят четвертая ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Сейф–аль–Мулук сказал своему отцу, царю Асиму: "Снаряди мне корабль, чтобы я поехал на нем в страну Син и разыскал то, что мне нужно. Если я буду жив, то вернусь к тебе невредимым". И царь посмотрел на своего сына и не увидел иной хитрости, как сделать то, что его удовлетворит. И он дал ему позволение ехать и снарядил для него сорок кораблей и двадцать тысяч невольников, кроме приближенных, и дал ему денег, сокровищ и все, что было ему нужно из военного снаряжения, и сказал ему: "Поезжай, о дитя мое, во благе, здравии и благополучии; я поручаю тебя тому, у кого не пропадают залог

И простились с Сейф–аль–Мулуком его отец и мать, и корабли снабдили водой, припасами и оружием и посадили на них воинов, и путники поехали и ехали до тех пор, пока не прибыли в город Син.

И когда услышали жители Сина, что к ним прибыло сорок кораблей, наполненных людьми, снаряжением и оружием и сокровищами, они подумали, что это враги, которые приплыли, чтобы их убить и подвергнуть осаде, и заперли городские ворота и приготовили метательные машины. И, услышав об этом, царь Сейф–аль–Мулук послал к ним двух невольников из невольников, особо к нему приближенных, и сказал: "Пойдите к царю Сина и скажите ему: "Это Сейф–аль–Мулук, сын царя Асима, приехал к тебе в город гостем, чтобы погулять в твоей стране некоторое время, и он не станет ни биться, ни ссориться. Если ты его примешь, он расположится у тебя, а если не примешь, вернется обратно, не беспокоя ни тебя, ни жителей твоего города".

И когда невольники достигли города, они сказали его обитателям: "Мы послы царя Сейф–аль–Мулука". И им отперли ворота и пошли с ними и привели их к царю.

А звали его Фагфур–Шах, и было между ним и царем Асимом прежде того знакомство. И, услышав, что царь, который прибыл к нему, – Сейф–аль–Мулук, сын царя

Асима, он наградил послов и приказал отпереть ворота и собрал угощение и вышел лично с избранными вельможами правления и пришел к Сейф–аль–Мулуку. И они обнялись, и царь Сина сказал Сейф–аль–Мулуку: "Семья, приют и простор тому, кто к нам прибыл, и я твой невольник и невольник твоего отца! Мой город – перед тобою, и все, что ты потребуешь, явится к тебе". И он предложил ему угощение и припасы в местах стоянок, и царь Сейф–аль–Мулук сел на коня со своим везирем Саидом, избранными вельможами правления и остальными воинами, и они поехали от берега моря и вступили в город.

И забили в литавры и ударили в барабаны в знак радости, и прибывшие провели в городе сорок дней за прекрасными угощениями.

И после этого царь Сина сказал Сейф–аль–Мулуку: "О сын моего брата, как тебе живется? Нравится ли тебе мой город?" – "Да почитет его Аллах великий тобою навеки, о царь!" – ответил Сейф–аль–Мулук. И царь Фагфур–Шах молвил: "Тебя привела не иначе как нужда, у тебя возникшая, и чего бы ты ни хотел в моем городе, я это для тебя исполню". – "О царь, моя история удивительна, и заключается она в том, что я влюбился в изображение Бади–аль–Джемаль", – ответил Сейф–аль–Мулук. И царь Сина заплакал из жалости и сочувствия к нему и спросил: "А что ты хочешь делать теперь, о Сейф–аль–Мулук?" – "Я хочу, – ответил юноша, – чтобы ты призвал ко мне всех странников и путешественников и тех, у кого в обычае путешествовать, и я спрошу их про обладательницу этого образа: быть может, ктонибудь из них мне о ней расскажет".

И царь Фагфур–Шах послал наместников, царедворцев и приближенных и велел им привести всех, кто есть в городе из странников и путешественников, и их привели (а было их великое множество), и они собрались у царя Фагфур–Шаха. И царь Сейф–аль–Мулук стал их спрашивать про город Бабиль и про сад Ирема, но никто не дал ему ответа, и царь Сейф–аль–Мулук смутился и не знал, что делать. Но потом один из морских начальников сказал: "О царь, если ты хочешь узнать, где этот город и этот сад, отправляйся на острова, которые в стране Хинд".

И тогда Сейф–аль–Мулук велел привести корабли, и это сделали и перенесли на них воду, припасы и все, что было нужно, и Сейф–аль–Мулук сел на корабль, со своим везирем Саидом, после того как они попрощались с царем Фагфур–Шахом. И они ехали по морю четыре месяца при хорошем ветре, благополучно и спокойно, и случилось, что в один день из дней поднялся противный ветер, и пришли к ним волны со всех сторон, и полились на них дожди, и море пришло в расстройство из–за сильного ветра. А потом корабли стало бить друг о друга сильным ветром, и они все разбились, так же как и лодки, и все утонули, и Сейф–аль–Мулук остался с несколькими невольниками на одной из лодок.

А потом ветер стих и успокоился по могуществу великого Аллаха, и взошло солнце, и Сейф–аль–Мулук открыл глаза и не увидел ни одного корабля и ничего не увидел, кроме воды, неба, себя самого и тех, кто был с ним в лодке. "Где корабли и маленькие лодки и где мой брат Сайд?" спросил он невольников, которые были с ним, и они ответили: "О царь времени, не осталось ни кораблей, ни лодок, ни тех, кто был в них: они все утонули и стали пищей для рыб". И Сейф–аль–Мулук вскрикнул и произнес слова, говорящий которые не смутится: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!" И он принялся бить себя по лицу и хотел броситься в море, но невольники удержали его и сказали: "О царь, какая будет тебе от этого польза? Ты ведь сам сделал с собою такие дела. Если бы ты послушался слов твоего отца, с тобой бы ничего такого не случилось. Но все это предначертано издревле, по воле создателя людей..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестьдесят пятая ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Сейф–аль–Мулук хотел броситься в море, невольники удержали его и сказали: "Какая будет тебе от этого польза? Ты ведь сам сделал с собою такие дела. Но все это предначертано издревле, волею создателя людей, чтобы получил раб сполна то, что предначертал ему Аллах, и звездочеты сказали твоему отцу, когда ты родился: "С твоим сыном случатся всякие бедствия". И нет у нас поэтому иной хитрости, как терпеть, пока Аллах не облегчит горесть, в которую мы впали". – "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Нет ни убежища, ни приюта от приговора великого Аллаха!" – воскликнул Сейф–аль–Мулук. И потом он вздохнул и произнес такие стихи:

"Всемиловитым клянусь, смущен я, сомненья нет,

Тревога, не знаю как, меня охватила вдруг!

Я буду терпеть, чтоб люди знали и видели,

Что вытерпеть горшее, чем мирра, я в силах был.

Как хитрость найти мне в этом деле? Я лишь могу

Тому поручить себя, кто властен во всех делах".

И он погрузился в море размышлений, и слезы потекли по его щекам, как ливень, и он проспал днем около часа, а очнувшись, потребовал чего–нибудь поесть и ел, пока не насытился, и потом еду, стоявшую перед ним убрали, а челнок все плыл, и не знали они, в какую сторону

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

он с ними направляется. И он плыл с ними по волнам и по ветру, ночью и днем в течение долгого времени, пока не окончилась у них пища, и забыли они о прямом пути и испытывали величайший голод, жажду и тревогу.

И вдруг блеснул им издали остров, и ветры подгоняли их, пока они к нему не подплыли, и, пристав к острову, они вышли из лодки, оставив в ней одного человека, и направились в глубь острова. И они увидели там много плодов всякого рода и поели их досыта и вдруг увидели человека, сидевшего среди деревьев, и был он длиннолицый, диковинного вида, с белой бородой и телом. И он позвал одного из невольников по имени и сказал ему: "Не ешь тех плодов, – они не поспели, и подойди ко мне, я накормлю тебя этими спелыми плодами". И невольник взглянул на него и подумал, что это один из утопавших, который спасся и вышел на этот остров. Он до крайности обрадовался и пошел, и подошел к нему близко (и не знал этот невольник, что предопределено ему в неведомом и что начертано у него на лбу).

И когда он подошел к человеку близко, тот вскочил на него, так как это был марид, и сел ему на плечи, обвив ему одной ногой шею, а другую опустив вдоль его спины, и сказал: "Ходи! Нет тебе больше от меня спасения, и ты стал моим ослом". И невольник закричал своим товарищам и стал плакать, говоря: "Увы, мой господин! Уходите, спасайтесь из этой заросли и убегайте, так как один из ее жителей сел мне на плечи, а остальные вас ищут и хотят на вас сесть, как на меня". И, услышав слова, сказанные этим невольником, все путники убежали и сошли в лодку, а жители острова преследовали их в море и говорили: "Куда вы уходите? Идите жить к нам: мы сядем вам на спину и будем вас кормить и поить, и вы станете нашими ослиами". И, услышав от них эти слова, путники ускорили ход по морю и отделились от жителей острова и поехали, уповая на великого Аллаха.

И они ехали так в течение месяца, пока не показался перед ними другой остров, и они вышли на этот остров и увидели там плоды разного рода и поели этих плодов. И вдруг они заметили что–то блестящее издали на дороге, и, приблизившись, они посмотрели и увидели, что это нечто отвратительное видом и лежит, точно серебряный столб. И один из невольников пихнул его ногой, и вдруг оказалось, что это человек с продольными глазами и расщепленной головой, и он спрятался под одним из своих ушей, так как, ложась спать, он подкладывал одно ухо себе под голову, а другим ухом прикрывался. И он схватил этого невольника, который пихнул его, и пошел с ним на середину острова, и вдруг оказалось, что все там – гули, которые едят сынов Адама. И невольник Закричал своим товарищам: "Спасайте ваши души! Этот остров – остров гулей, которые едят сынов Адама, и они хотят меня разорвать и съесть". И, услышав его слова, путники повернули, удаляясь, и сошли с земли в лодку и ничего не набрали из плодов.

И они ехали в течение нескольких дней, и случилось, что однажды перед ними появился еще один остров, и, достигнув его, они увидели на нем высокую гору. И они поднялись на эту гору и увидели там рощу со множеством деревьев, а они были голодны и занялись поеданием плодов, и не успели они очнуться, как к ним вышли из–за деревьев существа ужасающего вида и высокие – высота каждого из них была пятьдесят локтей, – и у них изо рта торчали клыки, похожие на клыки слона. И вдруг путники увидели человека, который сидел на куске черного войлока, положенного на каменную скалу, и вокруг него стояли зинджи [612] прислуживая ему (а их была большая толпа). И эти зинджи подошли и взяли Сейф–аль–Мулука и его невольников и поставили их перед своим царем и сказали: "Мы нашли этих птиц среди деревьев".

А царь был голоден, и он взял из невольников двоих и зарезал их и съел..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестьдесят шестая ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда зинджи взяли царя Сейфтестов аль–Мулука и его невольников, они поставили их перед своим царем и сказали: "О царь, мы нашли этих птиц среди деревьев". И царь взял двоих невольников и зарезал их и съел. И когда Сейф–аль–Мулук увидел такое дело, он испугался за себя и заплакал, а потом он произнес такие два стиха:

"Подружились беды с душой моей, с ними дружен я,

Хоть был врагом их: щедрый – Друг для многих,

Единым не был род забот в душе моей

Они, хвала Аллаху, разнородны".

И затем он вздохнул и произнес такие два стиха:

"Судьба в меня все мечет униженья,

Чехлом из стрел душа моя покрыта.

И ныне, если стрелы поражают,

Ломаются концы их об другие".

И когда царь услышал его плач и причитания, он сказал: "Поистине, это птицы с красивыми голосами и напевами и их голоса мне нравятся. Поместите каждую из них в клетку". И каждого из путников посадили в клетку и повесили над головой царя, чтобы он мог слушать их

голоса.

И Сейф–аль–Мулук и его невольники оказались в клетках, и зинджи кормили их и поили, а они иногда плакали, иногда смеялись, иногда говорили, а иногда молчали, и при всем этом царь зинджей наслаждался их голосом, и они провели таким образом некоторое время.

А у царя была замужняя дочь на другом острове, и она услышала, что у ее отца есть птицы с красивыми голосами, и послала к нему людей с просьбой прислать несколько птиц. И ее отец отправил ей Сейф–аль–Мулука и трех его невольников в четырех клетках. И когда они прибыли к царевне и та увидала их, они ей понравились, и она приказала повесить их в одном месте, у себя над головой. И Сейф–аль–Мулук дивился тому, что с ним случилось, и думал о величии, в котором он был прежде, и плакал над собой, а его невольники оплакивали самих себя, и при всем этом царевна думала, что они поют. А у царевны было в обычае, если к ней попадал кто–нибудь из стран Египта или других и нравился ей, давать ему у себя высокое место. И случилось, по определению Аллаха великого и приговору его, что, когда она увидела Сейф–аль–Мулука, ей понравилась его красота, и прелесть, и стройность, и соразмерность и она приказала почитать их всех. И в один из дней случилось так, что она осталась наедине с Сейф–аль–Мулуком и потребовала, чтобы он совокупился с ней, но Сейф–аль–Мулук отказался от этого и сказал ей: "О госпожа, я чужеземец, скорбящий в любви к той, кого люблю, и не согласен ни па что, кроме сближения с ней". И царевна стала его уговаривать и соблазнять, но Сейф–аль–Мулук отказывался от нее, и она не могла к нему приблизиться и сойтись с ним каким бы то ни было образом.

И тогда она разгневалась на Сейф–аль–Мулука и его невольников и велела им ей прислуживать и носить ей воду и дрова. И они провели таким образом четыре года, И обессилило Сейф–аль–Мулука это дело, и он послал попросить дочь царя: может быть, она их отпустит, и они уйдут своей дорогой и отдохнут от того, что с ними. И она послала за Сейф–аль–Мулуком и сказала ему: "Если ты поступишь согласно моему желанию, я освобожу тебя от того, что с тобой, и ты отправишься в твою землю, благополучный и с добычей", – и все время его умоляла и уговаривала, но Сейф–аль–Мулук не соглашался на то, что она хотела. И царевна отвернулась от него, гневная, и Сейф–аль–Мулук со своими невольниками остался у нее на острове в том же положении.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И обитатели острова знали, что это птицы царевны, и никто из городских жителей не осмеливался им ничем вредить, и сердце царевны было за них спокойно – она была уверена, что им уже нет освобождения с этого острова, – они скрывались от нее и на два дня и на три и ходили по равнине, собирая дрова со всех сторон острова, и приносили, их в кухню царевны.

И они провели таким образом пять лет, и случилось, что Сейф–аль–Мулук сидел в один день из дней со своими невольниками на берегу моря, беседуя о том, что с ними произошло, и Сейф–аль–Мулук посмотрел на себя и увидел себя в этом месте со своими невольниками. И он вспомнил свою мать и отца и брата своего Сайда, и вспомнил величие, в котором жил раньше, и заплакал, и усилились его плач и рыдания, и невольники тоже заплакали. И потом невольники сказали ему: "О царь времени, доколе будем мы плакать, когда плач бесполезен, и это дело написано у нас на лбах по определению Аллаха, великого, славного. Начертал калам то, что судил Аллах [613], и не будет нам пользы ни от чего, кроме терпения, – быть может, Аллах – велик он и славен! – который испытал нас этой бедой, ее с нас снимет". – "О братья, – сказал им Сейф–аль–Мулук, – как нам сделать, чтобы вырваться от этой проклятой? Я не вижу для нас спасения, если не спасет нас от нее Аллах своей милостью. Но пришло мне на ум, что мы должны убежать и избавиться от этой тяготы". – "О царь времени, – сказали невольники, – куда мы уйдем с этого острова, когда он весь полон гулей, которые едят сынов Адама? Во всяком месте, куда мы пойдем, они найдут нас, и либо они нас съедят, либо возьмут в плен и воротят нас на место, и царевна на нас разгневается". – "Я что–то для вас сделаю, и, может быть, Аллах великий поможет нам освободиться, и мы спасемся с этого острова", – сказал Сейф–аль–Мулук. "А как ты сделаешь?" – спросили его, и он молвил: "Мы нарубим длинных палок, навяем из их лыка веревок, свяжем их друг с другом и сделаем из них корабль. Мы сбросим его в море и наполним плодами, сделаем весла и сядем на корабль – быть может, Аллах великий сделает его для нас помощью, он ведь властен во всякой вещи. И, может быть, Аллах пошлет нам хороший ветер, который приведет нас в страны Индии, и мы освободимся от этой проклятой". И невольники воскликнули: "Это хороший замысел!" – и обрадовались сильной радостью.

И они поднялись в тот же час и минуту и стали рубить палки, чтобы сделать корабль, а потом они принялись вить веревки, чтобы связать палки одну с другой, и провели за этой работой месяц, и ежедневно к концу дня они набирали немного дров и носили их на кухню царевны, а остальной день они отдавали работе по постройке корабля, пока не кончили его..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала семьсот шестьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Сейф–аль–Мулук и его невольники нарубили палок на острове и, свив веревки, связали корабль, который они сделали, а окончив его делать, они сбросили его в море и нагрузили плодами с деревьев, которые росли на острове, и они снарядились в конце дня и никого не осведомили о том, что сделали.

И они сели на этот корабль и плыли по морю в течение четырех месяцев, не зная, куда он везет их, и кончилась у них пища, и испытывали они величайший, какой только бывает, голод и жажду. И вдруг море заревело и вспенилось, и поднялись на нем высокие волны, и приблизился к путникам страшный крокодил и, протянув лапу, схватил одного из невольников и проглотил его, и когда Сейф–аль–Мулук увидел, что крокодил сделал с невольником такое дело, он горько заплакал. И остался он на корабле один с уцелевшим невольником, и удалились они от места, где был крокодил, испуганные, и плыли таким образом, пока не показалась перед ними в один из дней гора: огромная, ужасная, высокая, возвышающаяся в воздухе. И они обрадовались, а после этого перед ними показался остров, и они стали ускорять к нему ход, ожидая блага от того, что вступят на этот остров. И когда они были в таком положении, море вдруг взволновалось, и поднялись на нем волны, и изменилось его состояние, и высунул голову крокодил и, протянув лапу, схватил оставшегося невольника из невольников Сейфаль–Мулука и проглотил его, и оказался Сейф–аль–Мулук один.

И он приблизился к острову и до тех пор трудился, пока не влез на гору, и тогда он посмотрел и увидел рощу. И он вошел в эту рощу и пошел среди деревьев и стал есть плоды, и увидел он, что на деревья забралось свыше двадцати огромных обезьян, – каждая обезьяна больше мула. И при виде этих обезьян охватил Сейф–альМулука сильный страх, а обезьяны спустились на землю и окружили его со всех сторон, и потом они пошли впереди него и сделали ему знак следовать за ними и отправились, и Сейф–аль–Мулук пошел за ними. И они шли, а Сейф–аль–Мулук за ними, пока не дошли до крепости, высоко построенной, с колоннами, уходящими ввысь. И тогда они вошли в эту крепость, и Сейф–аль–Мулук вошел за ними, и он увидел там всякие редкости, драгоценности и металлы, описать которые бессилен язык. И увидел он в этой крепости юношу, у которого не было растительности на щеках, но был он высокий, великой высоты. И, увидав этого юношу, Сейф–аль–Мулук почувствовал к нему расположение (а в крепости не было никого из людей, кроме этого юноши).

А когда юноша увидал Сейф–аль–Мулука, тот ему до крайности понравился, и он спросил его: "Как твое имя, из какой ты страны и как ты сюда добрался? Расскажи мне твою историю и не скрывай из нее ничего". – "Клянусь Аллахом, – ответил Сейф–аль–Мулук, – я пришел сюда не по своему желанию, и не к этому месту я стремился, и не могу я больше ходить с места на место, чтобы достигнуть того, что я ищу". – "А что ты ищешь?" – спросил юноша, и Сейф–аль–Мулук сказал: "Я из земель Египта, и имя мое Сейф–аль–Мулук, а имя моего отца – царь Асим ибн Сафван". И потом он рассказал юноше, что с ним случилось от начала дела до конца его, и юноша поднялся, прислуживая Сейф–аль–Мулуку, и сказал ему: "О царь времени, я был в Египте и слышал, что ты отправился в страну Син (а как далеко эта страна от страны Сип!), и, поистине, твой рассказ дело дивное и диковинное". – "Твои слова правильны, – ответил Сейфаль–Мулук, – но после этого я отправился из страны Сип в страну Хинд, и подул на нас ветер, и море заволновалось, и разбились все корабли, что были со мною". И он рассказал юноше обо всем, что с ним случилось, и сказал: "И вот я пришел к тебе в это место". И юноша молвил: "О царевич, довольно того, что случилось с тобою из бедствий во время пребывания на чужбине, и слава Аллаху, который привел тебя в это место. Живи же со мной, а я буду тебе другом, пока не умру, и тогда ты станешь царем этого климата. Об этом острове никто не ведает, и эти обезьяны знают ремесла, и все, что ты потребуешь, ты здесь найдешь". – "О брат мой, – сказал Сейф–альМулук, – я не могу сидеть в каком–нибудь месте, пока не исполнится моя мечта, хотя бы пришлось мне обойти весь свет, расспрашивая о том, что мне нужно. Быть может, Аллах приведет меня к желаемому, или я буду стремиться к тому месту, где исполнится мой срок, и умру".

И юноша обернулся к одной из обезьян и сделал ей знак, и обезьяна скрылась на некоторое время, а потом пришла, и были с ней обезьяны, подпоясанные шелковыми салфетками, которые принесли скатерть и поставили на нее около сотни золотых и серебряных блюд со всякими кушаньями, и эти обезьяны стояли, как обычно стоят приближенные, меж руками царей. И юноша сделал царедворцам знак сесть, и они сели, а те, кто обычно служит, остались стоять, и все поели досыта, а потом скатерть убрали и принесли золотые тазы с кувшинами и вымыли руки. А после этого принесли сосуды с вином – около сорока сосудов, в каждом из которых был какойнибудь сорт вина, и все стали пить и наслаждались и ликовали, и прекрасно было для них время, и обезьяны плясали и играли, пока евшие были заняты едой. И когда увидел это Сейф–аль–Мулук, он удивился и забыл о случившихся с ним бедствиях..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.